

Документальный триллер

ДЖЕК МЭТЛОК

СМЕРТЬ ИМПЕРИИ

АМЕРИКАНСКИЙ
ПОСОЛ О РАСПАДЕ

СССР

Москва
издательство
РОДИНА
2023

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)
М 30

Мэтлок Дж.

М 30 Смерть империи. Американский посол о распаде СССР / Дж. Мэтлок. – М.: Родина, 2023. – 304 с. – (Документальный триллер).

ISBN 978-5-00180-481-9

Джек Мэтлок был послом США в СССР с 1987 по 1991 год. Он, много раз встречался с Михаилом Горбачевым, а кроме того, хорошо знал его соратников и врагов. В июне 1991 года Мэтлок предупреждал Горбачева о зреющем против него заговоре, но не был услышан.

В своей книге Мэтлок рассказывает, как произошел крах советской империи, какие ключевые события к этому привели, кто несет за это основную ответственность. Поскольку книга была написана, когда Мэтлок уже оставил государственную службу, а распад СССР стал свершившемся фактом, автор откровенно говорит о многих подробностях этих событий, которые были неизвестны широкой общественности.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

© Мэтлок Д. (Matlock J.)
© Перевод с английского
Т. Кудрявцевой

ISBN 978-5-00180-481-9

© ООО «Издательство Родина»,
2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Горбачев. Восхождение	25
Перестройка	43
Появление Ельцина	57
«Борис, ты не прав!»	68
Народные депутаты	79
Зарождение оппозиции	87
Решающий год	101
Гласность торжествует	118
«Строители империи» и демократы	123
Неизбранный президент	137
Возвышение Ельцина	151
Двоевластие	163
Горбачев в осаде	169
Демократы переходят в наступление	192
Референдум о сохранении СССР	199
Россия выбирает Ельцина	206
Накануне путча	228
Август 1991-го. Путч	246
Распад СССР	271

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия — страна с непредсказуемым прошлым.

Юрий Афанасьев, май 1993 г.

Ранним вечером 25 декабря 1991 года Михаил Горбачев вышел из своего кремлевского кабинета, пересек коридор и вошел в комнату, обшитую резным орешником и обтянутую светло-зеленым шелком, на окнах висели портьеры. Как правило это помещение использовалось для приема гостей, но на этот раз там ожидала съемочная группа телевидения.

Горбачев сел за стол напротив камер и, когда кремлевские куранты отбили семь ударов, начал свое последнее телевизионное обращение к народу в качестве президента Союза Советских Социалистических Республик. До этого большая часть его обращений записывалась заранее. На этот раз он выходил прямо в эфир.

— Я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР, — объявил он, и, хотя смысл заявления был ясен, выбор слов казался странным, Они означали, что пост президента в государстве под названием Союз Советских Социалистических Республик по-прежнему существует. Было бы правильнее, если бы Горбачев сказал, что крах возглавляемой им державы ликвидировал его пост.

После двадцатиминутного обращения к народу он вернулся к себе в кабинет и с удивлением услышал, что советский флаг уже спущен со шпиля Кремля. Он полагал, что это произойдет позднее, быть может, в конце года, а не через несколько минут после его отставки. Российский бело-красно-голубой флаг уже был наготове, и его вот-вот долж-

ны были водрузить, но возникла проблема. Бригада по обслуживанию флага никак не могла закрепить его и, лишь порядком намучившись, наконец рывками подняла его на верхушку шпиля.

Таким образом Союз Советских Социалистических Республик отошел в историю — стремительно, безо всякой подготовки, но тем не менее окончательно.

Появление нового флага означало рождение государства, но переход власти еще не был завершен. На протяжении веков российские цари короновались в Успенском соборе, находящемся на расстоянии нескольких десятков шагов от кабинета советского президента, Корона и скипетр, символы императорской власти, хранились в Оружейной палате Кремля с тех пор, как царь Николай Второй был свергнут, а впоследствии и убит. Однако в 1991 году атрибуты власти были не просто символами. Это был ключ к советскому ядерному арсеналу, обладавшему огромной разрушительной силой, какую и представить себе не мог русский император. Для утверждения правителя во власти больше не требовался пышный церемониал коронации. К тому же, правопреемник, президент России, был человеком нетерпеливым.

Двумя днями раньше, оба президента — Михаил Горбачев и Борис Ельцин — условились встретиться сразу после объявления об отставке Горбачева для передачи устройства и кодов, контролирующих советский ядерный арсенал.

Как и смена флага, процесс передачи обманул надежды Горбачева. В кабинете его ожидал не президент России Борис Ельцин, а министр обороны. Маршал авиации Евгений Шапошников объяснил, что Ельцина обидели некоторые фразы из обращения Горбачева и он отказался от встречи. Спорить и продлевать агонию смысла не было. Горбачев отдал распоряжение, чтобы чемодан-

чик с пресловутой ядерной «кнопкой» передали Шапошникову.

Другие империи пали под давлением войн или революций, но Советский Союз исчез бесшумно. Контроль над советским ядерным оружием был передан новому хозяину как бы невзначай. За несколько минут, пока американцы открывали подарки и готовили рождественский ужин, Россия сменила Советский Союз, став ядерной державой.

Лишь только Горбачев закончил свое телевизионное обращение, Давид Чикваидзе, его помощник, работавший со съемочной группой телевидения, спустился к себе в кабинет на этаж ниже и уселся в кресло. Он, конечно, знал о том, что готовилось, и вот это произошло. Целых два часа он сидел, уставясь в стену, погруженный в глубокие раздумья по поводу туманного будущего.

Это был блестящий молодой советский дипломат, родившийся и воспитанный в Грузии. Веселый нрав, стремление помочь и свободное владение английским сделали его любимцем Вашингтона, когда он работал в советском посольстве. Теперь он обнаружил, что больше не знает, кто он. Человек гордый и патриотически настроенный, он верой и правдой служил советскому правительству. И считал домом как Тбилиси, так и Москву. Они с женой научили сына сначала говорить по-грузински, а уж потом на других языках.

До сих пор это не было проблемой. Чикваидзе был грузин и советский гражданин — тут не было никакого противоречия. А теперь ему придется выбирать? Принадлежность к грузинам не исключала того, что он был частью большой страны, и этой страны больше не существовало. Что теперь? Может ли он и может ли остаться в Москве и стать российским гражданином? Или надо ехать домой в Тбилиси в надежде найти работу там? Может быть, стоит жить в Москве в качестве «иностранца»? Ничто из этого он по доброй воле не выбрал бы.

Мое положение в корне отличалось от Давида Чикваидзе, но и я был сначала в шоке от известий, а затем предался глубоким раздумьям.

* * *

Двадцать пятое декабря мы с моей женой Ребеккой отмечали в двух местах. После того как на протяжении многих лет нам приходилось встречать Рождество вдали от дома, мы хотели увидеть как можно больше родственников. Поэтому на завтрак мы отправились к дочери в Александрию, штат Виргиния, где собралась ее семья, двое наших сыновей и мой брат. Затем, обменявшись подарками, мы полетели в Форт—Лодердейл, чтобы встретиться с моей матерью и нашим младшим сыном, приехавшим из Теннесси.

Рождество очень важный день для нашей семьи — мы ведь южане и протестанты. И тем не менее в тот день мои мысли зачастую отвлекались от семьи и религии. Я понимал, что приближается решающий момент в истории Советского Союза. Я виделся с Горбачевым всего неделю назад и нашел его внешне смирившимся с неизбежным, но не вполне осознающим силы, готовые одолеть его. Я хорошо знал Ельцина и многих других российских руководителей и считал многих из них своими друзьями. Я знал и их противников, и среди них у меня тоже были друзья. Но главное, были сотни советских граждан — от парикмахеров и прислуги до поэтов, профессоров, банкиров и законодателей, о которых мы тревожились и тревожились искренне. На протяжении многих лет мы жили среди них и делили, по крайней мере опосредованно, их горести и надежды; они казались частью нашей огромной семьи. На них, как и на Давиде Чикваидзе, ляжет отпечаток того, что случилось в этот день в Москве.

После ужина, когда мы развернули последние подарки, я удалился в спальню наверх и подключил переносной компьютер к телефонной линии, чтобы посмотреть сооб-

щения из Москвы. Там было больше подробностей, чем по телевидению. Так я узнал об отречении Горбачева и событиях в Москве, включая поднятие флага над Кремлем.

Постепенно я осознал грандиозность произошедшего. Я ожидал такого исхода, но также понимал, что, несмотря на мое знакомство с обществом и его политическими деятелями, а также участие в некоторых событиях, я не мог до конца объяснить, как все произошло.

Ведь Советский Союз обладал крупнейшей на планете военной машиной, управление которой сосредоточено в руках одного человека. Страною управляла, казалось бы, крепкая как монолит партия, располагавшая не имеющим аналогий аппаратом подавления. Щупальца ее разветвленной бюрократии достигали самых потаенных уголков жизни граждан. Ее идеология похвалялась, что знает, как усмирять приливные волны истории. Как могло такое государство рухнуть само собой?

Если бы у меня все же потребовали ответа, я, наверное, сказал бы, что система была изначально порочна и обречена рано или поздно погибнуть; ее руководители виновны в ужасающих преступлениях против человечества, а история умеет сводить счеты; экономическая система была иррациональна и неспособна конкурировать в современном мире; идеология утратила силу и не могла больше поддерживать веру; попытка использовать военную мощь для утверждения гегемонии и поддержания «престижа» провалилась и так далее, и так далее, — существует множество достойных доверия утверждений, каждое из которых может служить частичным ответом на вопрос, но ни одно не объяснит, как и почему это произошло.

Я понимал, что, наверное, знаю о развитии политических событий в Москве в последние семь лет столько же, сколько любой человек, не входивший в советское руководство, и все же не могу честно ответить на вопросы, поднятые развалом Советского Союза. Почему это произошло